

ИВАН ПЕТРОВИЧ ПОЗДЕЕВ.

Иван Петрович Поздеев, которому в момент записи было 64 г., — сын известного усть—цылемского сказителя Петра Родионовича Поздеева. От последнего в 1901 г. Н. Е. Ончуков записал 10 былин, одну пародию и пять исторических и бытовых песен — больше, чем от кого—либо другого на Печоре.

Былинная традиция в роду Поздеевых уходит далеко вглубь. Отца Петра Родионовича Родиона Поздеева усть—цылемы называли Ончукову, как выдающегося старинщика, от которого многие научились старинам. Ончуков подчеркивал исключительную память Петра Родионовича, однако с качественной стороны расценивал его как исполнителя былин не очень высоко. „Старины он поет плоховато, — писал он, — гораздо хуже, чем Ф. Чуркина, Вокуев, Марков и др. Все старины поет Поздеев чуть ли не одним «ясаком», чего хороший старинщик никогда

не позволит себе да и не сумеет. Все происходит у него в Киеве при князе Владимире, куда он отнес и старину про Долгорукова с ключником; во все старины вносит однообразные факты, фразы и целые действия" (Печорские былины, стр. 78).

Кроме Петра Родионовича, известным в Усть—Цыльме старинщиком был его родной брат Семен. От отца и дяди Иван Петрович Поздеев и научился старинам. Кроме того, в качестве своего учителя, он называл еще некоего Ивана Родионовича Кислякова, на которого ссылались и другие исполнители в Усть—Цыльме (см. заметку об И. Г. Носове). В книгах же он не видал былин. Иван Петрович — грамотный, служил много лет сельским писарем, потом на почтовом тракте, был на фронте в империалистическую войну на нестроевой должности, а с начала революции поселился окончательно в Усть—Цыльме. Женат не был.

Усть—цылемы не считали Ивана Петровича хорошим старинщиком: „Мало

знает, всю старину, пожалуй, не скажет", и выдвигали другого сына Петра Родионовича, жившего верстах в 140 от Усть—Цыльмы в д. Камгурай: „Тот старинщик!" Былины свои Поздеев мне сказал словами, петь не согласился,

444

несмотря на все мои просьбы. По его словам, „в писарях пел", теперь же поет редко. В былинах его обращает внимание сильная тенденция к убыстрению темпа повествования. Следуя в общем композиционной структуре отцовских былин, он выключает все осложняющие эпизоды, сокращает или совершенно пропускает описания. Но существенных изменений в саму композицию, которые бы ее перестраивали, он не вносит. В отношении же стилистического оформления, наоборот мы видим значительный отход от отцовских текстов. Точных совпадений стихов почти нет. В исполнении И. П. Поздеева былина даже в тех вариантах, где она сохраняет

стихотворную структуру, несет явные признаки разложения этой структуры и перехода в сказку, не говоря уже о первой былине „Про первую поездку“, которая совершенно превратилась в сказку.

Когда работал в Усть—Цыльме Н. Е. Ончуков, И. П. Поздеева не было дома. Но через несколько лет проезжал, по словам И. П., через Усть—Цыльму какой—то старик—миссионер, которому он сам записал и передал несколько былин. Может быть это и были те начала 10 былин И. П. Поздеева и его дяди Семена, о которых говорит Ончуков в своей заметке о Петре Родионовиче (Печорские былины, стр. 77).

445

78

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИЗДОЛИЩО]

Шла калика перехожая
Из города из Киева.
Настрету ей калике
Старой козак Илья Муромец.

- 5 — „Здравствуй, добрый молодец!”
— „Здравствуй, калика перехожая,
Откуль идёшь, откуль путь держышь?”
Говорит ему калика перехожая:
„Я иду из города из Киева,
10 От того от князя от Владимира”.
— „Всё ли у вас в городе по старому,
Всё ли у вас в городе по прежнему?”
Отвечает калика перехожая:
„У нас в городе не по старому,
15 У нас в городе не по прежнему:
Завезалось Издолище поганое
Ко тому ко князю ко Владимиру во
гриню во столовую.
Сидит он меж князём да меж кнегиною,
У кнегине держит руки да в пазухе
20 Пониже пупа около церева,
А князь не смел ему слова вымолвить”.
Говорит тогда старой козак Илья
Муромец:
„Ох ты ой еси, калика перехожая!
Сменяемся мы с тобой платьем
цветным”.
(У калики како уже платье!)
25 Говорит калика перехожая:

„У мня платье каличие,
У тебя платье молодецкое,

446

Не меняю я с тобой".

Просит его козак во второй након.

30 На это калика опять не соглашаетца.

Стал просить его в третей након.

Тут калика соглашалася,

И поменяли они платье, которо можно
было.

Поехал старой в стольне Киев град,

35 Не доеждает до города — слезавал с
добра коня,

Спустил коня в чисто поле,

Сам пошел в стольне Киев град.

По перьвости зашел на царев кабак:

„Здрастуйте, чумаки—целовальники,

40 Опохмельте мня калику с пути—
дорожецки!"

Говорят чумаки—целовальники:

„По разговору стоишь оправить тебя,

По платью не стоишь ни одного гроша".

Были тут голи кабацкие.

45 — „Ох вы ой еси, голи кабацкие!

Уж вы сложьтесь по гривенке,
Опохмельте калику с пути—дорожецки!"
На это были голи ухватливы да и
догадливы,

Сложились они все по гривенке,
50 Купили зелена вина,
Чару в полтора ведра,
Подали калике перехожей.

Брал он чару единой рукой,
Выпил он чару к едину духу,
55 Звеселило тогда его ретиво сердце,
Скилевал с себя чунный крест,
Который стоил ему петьсот рублей,
И говорит он голям кабацким:
„Ох вы ой еси, голи кабацкие!

60 Вы снесите мой крест,
Заложьте в лавку торговую,
Заложьте его в двухстах рублях"
На то голи были ухватчивы,
Потащили его крест в лавку торговую

65 И заложили его в двухстах рублях,
И притащили денежки и отдали калики
перехожаей.

Пил он вина по надобью и голей поил,

Напилса он допьяна,
И зашел на печку на муравленку,
70 И спал—храпел богатырским сном
Целы трое сутокки.

Стали его будить чумаки—целовальники,
Ото сну он тогда пробужаетця,
Соскакивал он на кирпичен пол,
75 Схватил чумака за черны кудри,
Признял он его выше буйной головы,
Спустил он его на кирпичат пол,
Тут чумаку смерть случилася.

— „Ну беду сделал, надо другу сделать,
80 Не буду я в городе виноватый”.

Выходил он скоро вон на уличю,
Стоптал и сломал двери подвальныхя,
Стал выкатывать бочки сороковочки с
зеленым вином

На площадь на кабацькую.

85 Сказал голям кабацкиим:
„Пейте, голи, вина сколько надобно,
Не буду я в городе виноватый”.
Побежали чумаки—человальники
Ко князю с желобою.

90 Говорят чумаки—человальники:
„Ох ты ой еси, Владимир князь!

Пришла к нам калика перехожая,
Пила она сколько надобно,
Убила чумака—человальника,
95 Выкатила бочки сороковочки
На площадь на кабацкую
И поила голи кабацкие".
А князь им слова не вымолвил,
Узнал князь: эта калика — не худа
блоха.

100 Скричал он своих слуг верных:
„Запрегайте вы тройку лошадей
На царев кабак,
Зовите вы калику перехожую
Хлеба—соли кушать и переваров пить!"

105 На то слуги были догадливы,
Запресли они лошадей и поехали на
царев кабак,
Зовут они калику перехожую

448

Ко князю ко Владимиру.

Отвечает калика перехожая:

110 „Мне не надо ваших лошадей да я
пешком иду".

И приходит он ко князю ко Владимиру.

Заходит он во гриню во столовую,
Молитця он, на все стороны
поклоняетця,

А князю со кнегиней во особицу,
115 поганому Издолищу челом не бьёт,
головой не гнёт.

Попоносят ему на стол лебёдушку не
кушанную не рушенную,

На нож ее воткнул и в гортань пихнул,
С щоки на щоку лебёдку переваливал,
Нижней щокой косьё вываливал.

120 Говорит то҃гда калика перехожая:

„Помниш ли, князь, помятуеш ли?

У попа была у отца собака у
Ростовского,

По сметьям она собака таскалася да
костью подавилася”.

Понесли ему коврижечку хлеба тоже не
кушану и не рушану,

125 С щоки на щоку коврижечку
переваливал,

Нижней щокой корки вываливал.

Говорит то҃гда калика таково слово:

„Помниш ли, князь, помятуеш ли?

У попа у отца у Ростовского была
коровища,
130 По сметьям шаталася да шалом
подавилася".

Издолицо сидит поглядыват да
осержаетця.

Принесли ему Издолицу ушат воды,
Выпивал он этот ушат воды.

Говорит тогда калика таково слово:

135 „Помниш ли, князь, помятуеш ли?

У отца у попа у Ростовского

Была кобыла водовозная,

Много она пила воды и захлебнуласе,

То же будет и этому Издолицу".

140 Схватил он булатный нож Издолицо
поганое,

Бросил в калику переходящую булатным
ножом самым остриём,

На полете нож калика подхватывал за
самый черешок,

Говорить стал калика князю таковы
слова:

449

„Можно ли, князь, гриню твою
крававити?“

145 И положил нож в пухов колпак,
И свернул пухов колпак на три угла,
Бросил он в Издолище поганое,
И попал он в Издолище поганое,
И повалилса Издолище на улицу со
всем с простенком.

150 Выскакивал он на улицу калика
перехожая,

Онну ногу оторвал Издолищу и бросил
воронам на съедение.

79

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН]

Стояли на заставе бохатыри,
Стерегли—берегли они стольней Киев
град.

Не много их было добрых молодцев,
Тридцеть три богатыря,
5 Во главе стоял самый старой козак Илья
Муромец.

Поутру рано старый пробужалса,

Кунию шубу надевал на одно плечо,
Пухов колпак на одно ухо,
Чаблеты одевал на босу ногу,
10 Выходил вон на улицу из бела шатра,
Припадал к матушке сырой земле
правым ухом,
Не дрожит ли матушка сыра земля
дубровушка зелёная,
Уж слышал он, што дрожит матушка
сыра земля.

Вынул он свою трубку подзорную,
15 Стал он смотреть в чисто полё.
Увидел он в чистом поли
Поежживат доброй молодец,
Калену стрелу он постреливат,
И на полете он стрелу подхватыват,
20 Заходил он вновь во белой шатёр,
Разбуджал он добрых молодцов:
„Ставайте вы, добры молодцы!
Будет вам спать, пора встовать,
Во чистом поли стоит негодушка:
25 Поеждиват там доброй молодец,
Калену стрелу он постреливат,

И на полете он стрелу подхватывает,
Кого ле бы послать—узнать,
Какой он земли, какой орды,
30 Какой отчины, какой отцовщины?
Пошлём мы Олёшу Поповичя —
Олёша был роду вежливого и
очесливого,
Умел как с людьми сойтись и
съехаться".

И отправили Олёшу Поповичя
35 Расспросить доброго молодца.
Поехал Олёша во чисто полё.
Подъезжают он к добру молодцу,
Сиздали кричит он добру молодцу:
„Ох ты ой еси, добрый молодец!
40 Какой ты земли, какой орды,
Какой отчины, какой отцовщины?
Стоим мы на заставе богатыри,
Берегём—стерегём стольней Киев град".
А доброй молодец с им говорить не
желат.

45 А подъезжают к нему,
Говорит ему таково слово добрый
молодец:

„Старого я козака возьму у вас во писари,

Добрыню Никитича во конюхи,
А Олёшу Поповичя во кучеры”.

50 Дал Олёше потяпышу,

И прибавил по алабышу.

Поехал Олёша ко белу шатру,

Едва на коне сидит.

Стречают Олёшу добры молодцы,

55 И видят — Олёша сидит да не по старому.

Говорит Олёша таковы слова:

„Добрый молодец говорил —

Старого я козака возьму у вас во писари,

Добрыню Никитича во конюхи,

60 А Олёшу Поповичя во кучеры”.

Закипело у старого ретиво серце кровью горячей.

Скоренько он стал снаряжаться во чисто полё,

Брал он всю свою приправу молодецкую,

И сядилса он на добра коня скоренько,

65 И погонил в чисто поле к добру
молодцу.

Не братались тут, не здоровались,

451

А прямо streцились копьями
бурзамецкими.

У старого по бесчастью по великому

Права рука промахнулась,

70 И вылетел он из седла вон и пал на
сырую землю.

Приеждий добрый молодец ткнул его в
ретиво серце

Копьём да бурзамецкиим.

Был у старого на груди чуден крест
серебрёный,

О крест копьё его остановилосе и
притупилосе.

75 Тогда старой взмолилса господу богу:

„Стоял ведь я за веру православную,

За церкви божиин,

Выдал меня господь татарину богатому”.

Проевилось тут у старого силы
множество.

80 Соскочил он со сырой земли,

Сронил проеждего доброго молодца с
добра коня

И ткнул его в ретиво серце копьём
бурзамецким.

В плечи рука его остоялась.

Стал он спрашивать доброго молодца:

85 „Скажи мне, добрый молодец,
Какой ты земли, какой орды,
Какой отчины, какой отцовщины,
Как тебе именём зовут?"

Отвечал ему добрый молодец:

95 „Как был я у тебя на белых грудях,
Не спрашивал твоего роду—племени,
Прямо порол груди белыя".

Ткнул старой второй раз во черны
груды,

Во локтю опять его рука да остоялася,

95 И опять стал спрашивать старой козак
доброго молодца.

Отвечает добрый молодец по старому.

Занёс тогда старой козак во третей
након копьё бурзамецкое,

В заведи рука его да остояласе.

Тогда стал отвечать добрый молодец:

100 „Я от того от моря от студёного,

От того от камешка от серого,
От той матушки от Златыгорки".
Тогда старой соскакивал с белых
грудей,
Брал доброго молодца за белы руки,
105 Подымал с сырой земли,

452

Стал говорить таковы слова:
„С твоей матушкой родимой
Стояли мы три года — тегались,
Собственный ты мой ронной сын,
110 Оттого и рука у меня остяивалась".

(Больше ничего не слышал.)

80

ПРО СТАРОГО КАЗАКА, ПРО ПЕРВУЮ ПОЕЗДКУ ИЛЬИ

Во Муроме во городе, в селе
Карачарове, у крестьянина Ивана
Тимофеевича было чадо малое, чадо
хворое, без рук, без ног. Отец с матерью
ушли в поле работять. А к ему пришла
старушка просить милостыню ради христа,

по старинному. А он ответил: „Я не могу подать, рад сам от тебя взять.“

Затем она вынула краюшку хлеба, дара божьего, отрезала горбушку ему и той горбушкой помазала его руки, ноги резвые и скралася.

Тогда ставал старой на резвы ноги, почувствовал он себя здоровым, вышел тогда вон на улицу и пошел в чисто полё к отцу к матери. И стал им помогать работять. Они этому удивились, што у их сын стал здоров и потом пошли с поля домой.

Не в долгое время старой козак стал просить у отца—матери благословления ехать в стольней Киев—град посмотреть князя со кнегиной. Тогда дали ему благословления отец с мати. Сказал ему отец: „Иди на конюшен двор. Там есть глубок погреб, накрыт плитой железной. Эту плиту соймёш, там есь конь добрый, этим конём завладаш“.

Пошел он на конюшен двор, снял он плиту железну, аки перо (*показалось она ему лехкой*). Тогда зяржал в погребу конь

и выскочил вон из погреба. Тогда старой схватил его за гриву. Хвост—грива была у его белая (*долго стоял верно, побелел*). Обуздал, оседлал добра коня. И стал проеждать в стольне Киев—град. Только видели, как он в стремяна ступил, только видели, как он на коня скочил, а не видели поездки молодецкия. Только видели в поле курёва стоит, дым столбом валит.

Подъехал он к трём дорогам — росстаням. На этих росстанях стоял столб, на столбе было написано: „По правой дороге

453

поедешь — богатой будешь, по левой дороге поедешь — женатой будешь, а по средней дороге поедешь — живой не будешь”.

Думал долго старый, по какой дороге ехать, раздумался: „На што мне старому богату быть? На што мне старому женату быть? Поеду—ка я старой по дороге, где живому не быть.”

На той дороге были три заставы великия. Первая застава ему

повстречалася — болота зыбучия и леса тёмные. Слезывал он с добра коня, взял коня за шолков пояс. Лево́й руко́й коня ведёт, право́й дубья́ рвёт да мосты мостит. И проехал перву заставу. Садилса на коня и поеждал вперёд. И подъезжает ко второй заставе. Видит — стоят мужики новотокмена. Стали имать его добра коня. Тогда он стал говорить: „Ох вы, мужики новотокмена! Бить мя незашто и грабить нечего, только есь у мя кунья шуба, котора стоит семьсот рублей.“

А мужики стали пуще приниматься, штобы с его содрать. Тогда соскочил старой со добра коня и схватил мужика новотокмена, который был побольше и потолще, за резвы ноги и стал мужиком помахивать, и стал мужиков побивать. Праву руку махнёт — лежит уличя, леву руку — так с переулками. И всех перебил до единого. И оттуль поехал вперёд.

Видит он — гнездо Соловья сына Рахматова, которо стоит на двенадцати дубах, на тринадцетом поддубушке. Засвистал этот Соловей по змеиному,

заревел по туриному. Пал у старого добрый конь на колени. Соскочил старой с добра коня и закричал на него: „Ох ты ой еси, конь да травяной мешок! Не слышал ты граю вороньего, свисту змеиноного, крику звериноного?“. Вынул тогда старой свой тугой лук и калену стрелу и направил свою калену стрелу в Соловья сына Рахматова. Полетела его калена стрела в Соловья и попала Соловью прямо в правый глаз, и повалился Соловей с дуба прямо как овсяный мешок. Взял Илья Соловья, привезал к сбруе лошадиной и поехал дале. Увидели Соловья сына Рахматова молода жена и дочери его. Дочери говорят: „Везёт Соловей мужика“, А жена говорит: „Дети, неправду говорите, мужик Соловья везёт“. Выбегали вон на улицу, просили оставить им Соловья, обещали злата сколько надобно. Отказалса старой: „Не надо мне вашего злата—серебра. Повезу Соловья в стольне Киев—град“.

Приехал он в стольне Киев—град ко той ко грине кнеженецкой. Слезавал он со добра коня, привезал коня к дубову столбу,

к дубову столбу, к золоту кольцу. И пошел он тогда во гриню княженецкую. Зашол он в гриню княженецкую. Богу помолился,

454

поклонился во все стороны, князю со кнегиней во особицу. В то время у князя Владимира вѣлся почесен пир. Посадили его за дубовый стол попить да поить с пути с дорожецьки. Стали его выпрашивать: „Откуль ты, добрый молодец?" Отвечал он им: „Я из города из Мурома, из села Карачарова, сын Ивана Тимофеевича." — „Покуль ты шол, добрый молодец, покуль ехал?" — „Я шол—ехал премой дорогой в стольней Киев—град." — „Как ты мог проехать, потому што дорога залегла ровно тридцать лет, ведь три заставы на ей великия?" — „А я проехал прямо, в сырых местах болотистых мосты намостил, мужиков новотокменных побил, Соловья—розбойника сюда привёз". Тут все зрадовалися и захотели посмотреть Соловья сына розбойника. Пошли вон на улицу смотреть Соловья сына розбойника. Тогда

сказал Илья Муромец Соловью сыну розбойнику: „Засвисти ты полусвистом, зареви ты полуревом“. А Соловей—розбойник обратно заревел во весь рёв и засвистал во весь свист, ажно сыра мать земля задрожала. Все попадали. А князя с кнегинею старой козак он в руках продержал. Осердился Илья Муромец и убил Соловья—розбойника.

(Больше ничего не знаю.)

81

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВ.

Пропил Васенька свой тугой лук,
Заложил калену стрелу,
Лежыт он на печке на муравленке
В одной рубашке без поеса,
5 В одних чаблетах без чулочиков.
Во то пору в это времечко
Поднялся на стольне Киев град
Скурлак сын Смородович
Со своим он со зятелком со Киршалком.
10 Сопечалился, сокручинился
Солнышко Владимир князь.

**В эту пору, в это времечко
Не было во Киеве богатырей,
Идёт он по городу по Киеву,
15 Повеся несёт буйну голову,
Потупя держит очи ясные.**

455

**Увидала его бабушка задворенка,
Выбегала ему встречу:
„Здрастуй, солнышко Владимир князь!
20 Што ты так запечалился?“
Князь слово ей не вымолвил.
Обежала она — опять идёт стрету,
И опять здороваецца бабушка
задворенка,**

**И он опять слову не вымолвил.
25 Обежала она в третей након,
И опять идёт стрету,
И опять здороваецця:
„Здрастуй, солнышко Владимир князь!
Што ты так запечалился,
30 Што ты так закручинился?“
Торда князь говорит ей таково слово:
„Как мне не печалитьця,
Как мне не кручинитьця?**

Напал на стольне Киев град
35 Скурлак сын Смородович
Со своим зятелком со Киршалком.
У его собаки силы много—множество,
Впереди его идёт сорок тысячечей,
И по праву руку его по сорок тысячечей,
40 И по леву руку по сорок тысячечей,
А позади его собаки числа—сметы нет,
А у меня в городе нету защитника".
Говорит тут ему тогда бабушка
задворенка:
„На царевом на большом кабаке,
45 На кружале государеви
Спит—храпит там добрый молодец,
Тот Васенька Игнатьевич".
Тогда Солнышко возрадовалсе
И побежал на царев кабак.
50 „Здрастуйте, чумаки—человальники!"
Стал он будить доброго молодца на
печке на муравленке:
„Ставай—ка, добрый молодец!
Будет тебе спать, пора вставать:
Напал на стольней Киев град
55 Скурла сын Смородович
Со своими со зятелком с Киршалком,

456

У его собаки силы много—множество".

Тогда пробужалса добрый молодец:

„Опохмель меня добра молодца!"

60 Брал князь чару зелена вина,

Чару не малу — в полтора ведра.

Брал Васенька единой рукой,

Выпил к едину духу

И сказал таковы слова:

65 „Окатило у меня ретиво серце,

Не звеселило буйну голову".

Подавал князь ему втору чару в полтора
ведра

И подавал добру молодцу.

Брал Вася единой рукой,

70 Выпил к едину духу,

Попросил ещо Вася третью чару.

Подал ему солнышко князь третью чару.

Брал Вася единой рукой,

Выпил Васенька к едину духу.

75 Тогда соскакивал Васенька со печки со
муравленки,

Попросил он тогда тугой лук и калену
стрелу.

Подали ему тугой лук и калену стрелу.

Натягивал он свой тугой лук,
Налаживал калену стрелу,
80 И сам стрелил да наговаривал:
„Ты лети, моя калена стрела,
Выше лесу тёмного,
Выше лесу стоячего,
Пониже облака ходячего,
85 Попади Киршаку прямо в правый глаз!"
Полетела его калена стрела
Выше лесу тёмного
Ниже облака ходячего,
Попала Киршеку в правой глаз,
90 Тут Киршеку и смерть случилася.
Тут сказал Скурла сын Смородович:
„Время мне воротитьцэ от города от
Киева,
На кого была надея, того леший взял".
(*Всё, боле не знаю.*)